

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ТАНКОВАЯ ДИВЕРСИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художественное оформление *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Танковая диверсия / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-235424-3

1942 год. Советское командование обеспокоено участвовавшими на поле боя случаями выхода из строя танков Т-34 из-за некачественной брони. Установить причину брака на уральский завод направлена группа майора Максима Шелестова. Оперативники выясняют, что такие дефекты невозможно обнаружить при обычном контроле, они проявляются только в боевых условиях. Получается, кто-то знающий умышленно нарушает технологический процесс. Это не просто вредительство, а продуманная диверсия. Шелестов распространяет дезинформацию, что на завод везут секретную партию добавок для стали, в надежде, что предатель клюнет на эту наживку. Майор еще не знает, что противник уже приготовил ему смертельный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235424-3 © Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Июльское марево стелилось над выжженной степью, превращая горизонт в дрожащее стекло. Пыль, поднятая гусеницами, висела в воздухе серым саваном и не спешила опуститься на истерзанную войной землю. Танковый полк был брошен вперед в самый напряженный момент развернувшейся битвы. Только вперед, всей массой металла и огня — на прорыв, нанести стремительный удар, разгромить атакующие порядки гитлеровцев, остановить стальную лавину. Только такими вот контратакующими ударами, маневрированием можно было задержать наступление фашистов, дать советским частям возможность закрепиться на новых рубежах обороны. Командиры в открытых люках танков всматривались в белесую даль. Казалось, кроме купола раскаленного неба да бескрайнего

ковыля нет ничего более. И это «ничего» было обманчивым.

Первые снаряды обрушились внезапно — без предупреждающего гула авиационных моторов, без лязга гусениц встречных танков. Словно сама земля взорвалась яростным огнем. Справа, из ложбины, из густого перелезка, брызнули огненные языки залпов. Это была засада. Враг успел заметить передвижение советской танковой части и перебросил в полосу атаки советских танков орудия, установив их на прямую наводку, на подразделение танков. Одна, другая, третья «бетушка» вспыхнули как факелы. Вот «тридцатьчетверка» закрутилась на месте с перебитой гусеницей. И тут же в бок машины ударил вражеский снаряд. Еще два танка замерли с неестественно задранными стволами.

Командир танкового полка, брошенного в бой буквально с марша без предварительной разведки, предвидел возможность вражеской засады — подразделения полка отреагировали сразу, начав действовать так, как подсказывала тактика боя. Полк, как живой организм, почувствовавший рану, ответил мгновенно. «Тридцатьчетверки» и тяжелые КВ¹ от-

¹КВ (от «Клим Ворошилов») — семейство советских тяжелых танков и САУ.

крыли огонь по вскрывшимся целям, а скоростные БТ¹, уходя из-под огня, бросились на фланги. Их главным оружием была не броня, а скорость. Теперь они летели по степи, описывая широкую, гибельную для артиллеристов дугу. Пыль за ними вставала коричневой стеной, скрывая их истинное число и направление. Немецкие наводчики пытались перенести огонь, но попасть в мелькающие тени было почти невозможно. Снаряды рвались сзади, спереди, вздымая фонтаны земли, но быстрые танки уже выходили во фланг немецким позициям.

А в центре, приняв на себя весь шквал первого удара, поднимаясь сквозь дым и разрывы, шли Т-34. Они не уклонялись, идя на максимальной скорости прямо в лоб. Их дизели, работая на пределе, выли басовито и яростно. Вражеские снаряды били в их наклонную броню — один оставлял глубокий шрам и рикошетил в небо, другой вязнул, пробивая, но не убивая. Экипажи, оглушенные ударами снарядов, вели машины дальше. Это была страшная картина: стальные чудовища, объятые дымом, а некоторые и пламенем, неудержимо шли сквозь стену огня.

¹БТ («Быстроходный танк») — название серии советских легких колесно-гусеничных танков.

Легкие БТ сделали свое дело. Завершив маневр, они с флангов выскочили на позиции немецких артиллеристов, расстреливая врага из пушек и пулеметов почти в упор. Они стреляли по орудиям, по бегущим и суесящимся фигуркам в серо-зеленом. Под гусеницами танков хрустнули ящики со снарядами, заскрежетал металл противотанковых пушек. Все было кончено — основная группа Т-34 и КВ навалилась на немецкие позиции, наскоро оборудованные позиции с фронта. Это было уже не сражение, а полное и беспощадное уничтожение врага. Тяжелые машины на полном ходу врезались в орудия, переламывая станины, сминая щиты, вдавливая в землю все, что было под гусеницами. Стволы «тридцатьчетверок», еще дымящиеся, опускались и в упор, почти без промаха, отправляли снаряд за снарядом в ближайшие тягачи, грузовики с боеприпасами, в уцелевшие вражеские танки, пытавшиеся задом покинуть разрушенные позиции. Гул моторов, лязг металла, разрывы, треск пулеметов — все слилось в единый рев и грохот боя.

Засада была уничтожена. На месте стремительного боя осталось лишь месиво из искореженного металла, дымящихся обломков и черных воронок на выжженной земле. Полк хотя и понес значительные потери, снова

ринулся вперед. Приказ есть приказ, и танки понеслись вперед, в зыбкое марево горизонта, оставляя за спиной дымный след и гул, еще долго стоявший в июльском воздухе. Полковник Иноземцев остановил свою машину, выбрался из люка и спрыгнул на пожелтевшую сухую траву. Он поспешил на правый фланг, туда, где оставшиеся в живых танкисты вытаскивали из подбитых «тридцатьчетверок» своих раненых и убитых товарищей. Иноземцев спешил к новеньким танкам, которые только вчера сошли с железнодорожных платформ уральских эшелонов, а теперь уже дымились на поле боя.

В эти тревожные дни совещания у Сталина проходили деловито и без нервного напряжения. Сегодня на совещание был снова приглашен генерал-полковник авиации Голованов, который с мая 1942 года командовал советской дальней авиацией и пользовался особой симпатией и доверием Сталина. Берия давно присматривался к этому человеку, который за годы войны поднялся очень высоко в чинах и звании. Не то чтобы Лаврентий Павлович завидовал этому человеку. Просто в силу своей должности и по своим убеждениям он всегда пытался здраво оценивать тех людей, которые появлялись рядом со Сталиным и начинали пользоваться его доверием. Одна

ошибка вождя в оценке личности военачальника — и последствия могут оказаться очень серьезными для страны.

Так было с Исааком Моисеевичем Залыцманом, который, будучи директором завода, за тридцать три дня умудрился начать выпуск танков Т-43 на Урале после оперативной переброски туда танковых заводов с европейской части СССР. Сталин настолько доверился этому энергичному человеку, что в июле этого года назначил его наркомом танковой промышленности. А теперь вот еще Голованов.

Александр Евгеньевич Голованов встретил войну в должности командира 212-го полка дальнебомбардировочной авиации. Летом и осенью 1941 года полк выполнил ряд ночных боевых вылетов для бомбардировки важных военных и промышленных объектов на территории Германии. Но тогда же, в августе 1941 года, Голованов был назначен командиром 81-й авиационной дивизии дальнего действия, сменив освобожденного за отсутствие «необходимых командных навыков и опыта в организаторской работе» прежнего командира — известного советского летчика Михаила Васильевича Водопьянова. Следом Голованову было присвоено звание полковника, а в октябре того же тяжелого года — и звание генерал-майора авиации. Сталин

лично следил за результатами работы дивизии Голованова. В августе-сентябре дивизия бомбила глубокие немецкие тылы: Берлин, Кенигсберг, Данциг.

Уже в декабре 1941 года постановлением Государственного комитета обороны Голованов был назначен командиром 3-й авиационной дивизии дальнего действия Ставки верховного главнокомандования. А в феврале следующего года Голованов стал командующим авиацией дальнего действия (АДД) Ставки верховного главнокомандования. А с мая текущего года Голованов уже генерал-лейтенант авиации. Александр Евгеньевич Голованов в числе немногих имел право свободного доступа к Сталину, который называл его по имени в знак своего особого доверия. Таких людей, как Голованов, Зальцман, Берия из поля зрения не выпускал никогда.

Несмотря на то что в кабинете присутствовал и начальник генерального штаба Василевский, только что назначенный на эту должность вместо Шапошникова, Сталин сам говорил о положении наших войск на фронтах, особенно уделяя внимание южному направлению. Неторопливо, даже как-то задумчиво Сталин говорил о том, что к середине лета 1942 года немецкие войска продолжали наступление вдоль западного берега Дона и стреми-

лись во что бы то ни стало выйти в большую излучину реки. Советские войска отступали к естественным рубежам, на которых они могли закрепиться. Нависла угроза над городами: Валуйки, Россошь, Богучар, Кантемировка, Миллерово. Перед фашистами открывалась восточная дорога — на Сталинград и южная — на Кавказ.

Сталин, держа в ладони потухшую трубку, говорил, почему-то обращаясь к Голованову:

— Немец повернул на юг. Я думаю, не добившись успеха под Воронежем, он пойдет сейчас на Сталинград. Кавказ ему ничего не даст, он там не решит исхода войны. Ключ от Москвы он хочет найти в Сталинграде. Я думаю, там, на том направлении, будет решаться сейчас судьба войны.

Берия слушал, а сам думал об уральских заводах, которые все чаще в Ставке и на заседания ГКО называли «Танкоградом». Сейчас Лаврентий Павлович ничего не сказал на совещании, решив предварительно сам разобратся в ситуации, наметить пути решения проблемы, сложившейся на поле боя с танками Т-34. Соваться к Кобе без продуманного плана с одними обвинениями и подозрениями нельзя, глупо. Сталин этого не любил, не любил он голословности. Собственно, план в голове Берии уже начинал рождаться. Поэ-

тому сейчас, пока он находился на совещании у Сталина в кабинете, его ждала Особая оперативная группа майора Шелестова. В соседнем пустом кабинете трудился над отчетом только что прибывший с фронта полковник Иноземцев, осуществляющий приемку танков на уральских заводах.

Офицеры дружно встали, когда Берия появился в кабинете и прошел к своему столу. Шелестов, как и его оперативники, не имел представления о причинах срочного вызова. Впрочем, причина подобных вызовов всегда была одна — важное задание для группы. Но Берия почему-то не спешил вводить оперативную группу в курс дела, задумчиво глядя на офицеров и барабаня пальцами по крышке стола. В приглушенном свете кабинета стекла очков наркома недобро поблескивали.

— Вы все хорошо знаете, — наконец заговорил Берия, — что еще с осени прошлого года мы перебрасывали на Урал заводы с европейской части страны. В очень сложных условиях, почти нечеловеческими усилиями всех без исключения работников производства мы наладили выпуск танков, вооружения, боеприпасов, моторов, брони. Сейчас происходит что-то не совсем понятное для меня. Разобраться в ситуации в самые короткие сроки — вот ваша задача. В самые короткие! Если инфор-

мация о проблемах дойдет до... самого, нам не сносить головы.

Разговор на общие темы, без всякой конкретики поразил оперативников, привыкших к четким приказам и формулировкам. Офицеры переглянулись, но задавать вопросов никто не стал. Приказ будет дан в любом случае. А то, что сейчас говорил Берия, больше походило на ожидание чего-то. Нарком тянул время и попутно давал понять, что задание непростое и невыполнение его может иметь самые серьезные последствия.

Оперативники уже не удивились, когда в кабинет вошел полковник с танкистскими эмблемами на петлицах. Теперь стал понятен смысл всей прелюдии Берии. Лаврентий Павлович представил полковника Иноземцева как представителя от армии, который осуществлял на Урале приемку продукции наркомата танковой промышленности.

— Вот, Федор Захарович, — Берия кивнул на оперативников, — эти товарищи поедут на Урал и будут разбираться с причинами. Я прочитаю ваш доклад, но вы сейчас нам коротко изложите суть. Вы выезжали на фронт и были очевидцем гибели в первом же бою новых танков Т-34. Ваше видение проблемы?

— Я не склонен делать скоропалительные выводы, товарищ нарком, — сведя брови к пе-

реносице, ответил полковник, — но факты, которые я изложил в своем докладе, имеют как объективные причины, так и субъективные. На Юго-Западном фронте я был свидетелем непрерывной переброски частей 23-го танкового корпуса с одного рубежа на другой. Отмечу также неправильное использование их в бою — командование изматывало материальную часть, не достигая цели. За десять дней части корпуса совершили марш общей сложностью до трехсот километров. Фактически на тот момент в корпусе оставалось восемьдесят пять танков. По приказу командования 28-й армии части 23-го танкового корпуса сосредоточились в районе Козинка, Казначеевка, Конопляновка с задачей — уничтожить противника, продвигающегося на восток в направлении Волоконовка и дать возможность частям 28-й армии отойти за реку Оскол и занять оборону. 6-я и 114-я танковые бригады начали наступление, не имея данных о силах противника, без организации взаимодействия с пехотой, артиллерией и авиацией. В результате такой неорганизованности танки были встречены из засад активным артиллерийским огнем противника во взаимодействии с авиацией, что сразу нарушило боевой порядок наступающих наших танков. Вследствие непродуманного

наступления части корпуса потеряли только за два дня боя до 30 танков и с боем отошли на восточный берег реки Оскол¹. Казалось бы, потери вполне объективные и имеют причиной как раз ошибки тактики и командиров, но это вопросы к командованию фронта. Меня беспокоит другое — почему эти танки были так легко подбиты.

Полковник положил на стол перед Берией свою докладную записку, а сам открыл большую черную папку и принялся доставать из нее фотографии, выкладывая их на стол. Он перебирал их, сортировал по какому-то пока никому неизвестному принципу. Затем разложил на две части и вопросительно посмотрел на Берию, потом на оперативников.

— Прошу вас посмотреть сюда, товарищи. Вот фото мест попадания вражеских снарядов в наши «тридцатьчетверки». Вот эти снимки я сделал в марте этого года. В этот танк восемь попаданий — три в корпус и пять в башню. В этот шесть. А вот этот танк выдержал двенадцать попаданий вражеских снарядов. Вот эти места, вот еще фотография. Прошу отметить, что все эти танки остались на ходу и относительно боеспособными. А вот эти фо-

¹ *Бешанов В. В.* Год 1942 — «учебный». — Мн.: Харвест, 2002. С. 266.

тографии я привез только что. Это танки из последней партии с завода в Нижнем Тагиле. Первый бой. Два попадания, три попадания. А здесь одно и вот здесь только одно. Танки подбиты с первого снаряда, со второго.

— Броня этих танков из последней партии не выдерживала то, что должна была выдерживать? — спросил Шелестов, рассматривая снимки.

— Вот именно! — с горечью ответил полковник. — Положение на фронтах непростое.

Немецкие войска рвутся к Сталинграду и на Кавказ. Страна живет под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». В это критическое время бесперебойная работа танковых заводов на Урале становится вопросом жизни и смерти. Я не берусь прямо сейчас делать выводы, но они напрашиваются сами собой. Очевидно, партия новой броневой стали оказалась с пониженной твердостью. Несколько танков, отправленных на фронт, пробиваются немецкими снарядами там, где должны были выстоять. Но ведь технологические процессы должны неукоснительно соблюдаться.

— Был еще срыв сроков поставки двигателей, — напомнил Берия. — Вот так, товарищи! Вам понятна ситуация, Максим Андреевич?

— Так точно, — отозвался Шелестов. — Я так понимаю, что группа отправляется